

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анна ГРИГОРОВА,

аспирант кафедры теории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

Analyses of positive form of legal responsibility, with the emphasis on the need for its recognition within the framework of state encouraging. Is discovering the positive sanction as an essential element of the mechanism of positive legal liability. Proposes creating of the basic construction of legal liability mechanism to overcome diversity of approaches to the understanding of its forms. Definition of positive legal liability, based on this construction, is formed.

Key words: legal responsibility, positive liability, positive sanction, mechanism of legal responsibility, legal modeling.

Аннотация

В статье осуществляется анализ позитивной формы юридической ответственности, делается акцент на необходимости ее признания в рамках институту государственного поощрения. Исследуется позитивная санкция как неотъемлемый элемент механизма позитивной юридической ответственности. Предлагается построение общетеоретической конструкции механизма юридической ответственности для преодоления разнородности подходов к пониманию ее форм. Формулируется понятие позитивной юридической ответственности, которое основывается на вышепредложенной конструкции.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, позитивная санкция, механизм юридической ответственности, правовое моделирование.

Постановка проблемы. Начавшаяся в середине XX ст. научная дискуссия о включении позитивной формы ответственности в структуру юридической ответственности на сегодняшний день остается открытой. Понимание государства как института, обеспечивающего регулирование наиболее важных общественных отношений, дает возможность говорить не только о карательных, но и о поощрительных способах влияния на субъектов. В этом контексте считаем необходимым трактование института юридической ответственности в его широком понимании с выделением как негативной, так и позитивной ее формы.

Актуальность темы исследования подтверждается отсутствием комплексных общетеоретических исследований позитивной юридической ответственности во взаимосвязи с позитивной санкцией как ее определяющим критерием.

Состояние исследования. Наибольший вклад в разработку современной теории позитивной юридической ответственности сделан российским ученым Д. Липинским. Автор, однако, концентрирует свое внимание на обосновании данной формы ответственности, не уделяя при этом должного внимания механизму ее реализации, что послужило причиной обращения к этому вопросу в данной статье.

Целью и задачей статьи является построение общетеоретической мо-

дели юридической ответственности, которая могла бы использоваться как для негативной, так и для позитивной ее формы.

Изложение основного материала. Признание института одобрения правомерных действий субъекта государством обуславливает расширение горизонтов изучения феномена юридической ответственности. Следует согласиться с утверждением советских исследователей уголовного права, что «проблема правовой ответственности не сводится к проблеме ответственности за причиненный вред, за нарушение охраняемых законом интересов: правовая ответственность лишь наиболее рельефно проявляется в нарушении, но она реально существует и при совершении разрешенных действий, а тем более тех, которые прямо вытекают из закона» [1, с. 78]. Сведение исследования лишь к негативным аспектам ответственности лишает возможности исследовать поощрительные меры воздействия, имеющиеся в структуре института юридической ответственности.

Базовой проблемой в вопросе признания позитивной ответственности остается терминологическое разнообразие подходов к ее дифференциации. Как справедливо отметил Д. Липинский, позитивную ответственность в различных исследованиях называют активной, перспективной, позитивно-умеренной, позитивно-активной, поощрительной, отождествляют с чувством долга или

юридической обязанностью, что создает неоправданную терминологическую перенасыщенность и усложняет ее исследования [2, с. 9].

О. Сунцова, исследуя нетрадиционные виды юридической ответственности, позитивную ответственность приравнивает к перспективной (ответственности за будущие деяния) [3, с. 111-112], фактически отождествляя это понятие с правомерным поведением субъекта в регулятивных правоотношениях. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы, которые из-за невозможности сформировать конструкцию такой формы ответственности приравнивают ее к правосознанию или правомерному поведению (а иногда и к моральной обязанности), при этом не выделяя критерии разграничения данных понятий. Тогда структура юридической ответственности в целом выступает как непрерывный процесс, начинающийся позитивной ответственностью как исполнением юридических обязанностей, который может переходить в форму негативной ответственности в случае нарушения правовых предписаний [4, с. 508]. Б. Базылев, отстаивая такую позицию, предлагал рассматривать отношения позитивной ответственности как общие правовые отношения (вытекающие из неперсонифицированных конституционных норм), которые состоят в установлении государством абстрактного долга всех членов общества

соблюдать определенные правовые нормы и права государства требовать исполнения такого долга. Нарушение субъектом этой обязанности является основанием возникновения индивидуализированных отношений ответственности (ретроспективная ответственность) [5, с. 43, с. 45]. Предложенную автором концепцию трудно поддерживать, ведь непонятным с его позиции остается вопрос механизма данного типа ответственности.

Исследуя позитивную ответственность, автор статьи исходит из того, что она не является абстрактным понятием, не обращена к моральному долгу субъекта, а является реальным правовым явлением, которое может быть исследовано в рамках теории юридической ответственности. Исходя из этого, следует критически оценить утверждение А. Булатова о том, что «к позитивной ответственности нельзя подходить по меркам негативной, так как с этих позиций ее не понять. Это особый феномен, который выражает другие связи и отношения, и соответственно здесь должны применяться другие оценки и критерии» [6, с. 7]. Считаем, что отсутствие унифицированного подхода к формам юридической ответственности обусловлено именно разрозненностью критериев их выделения, что и препятствует построению единой конструкции юридической ответственности.

Необходимость формирования теоретической конструкции юридической ответственности, которая отображали бы механизм ее реализации независимо от отраслевой направленности, справедливо подчеркивает А. Машков [7, с. 82]. Полностью поддерживая позицию автора, считаем, что оптимальным путем создания общетеоретических моделей любого правового института является принятие модельного нормативного акта, первым шагом к разработке которого считаем моделирование и на уровне теоретических конструкций.

Для точного понимания соотношения позитивной и негативной формы ответственности предлагаем использовать такую модель механизма юридической ответственности: действие (противоправное или поощряемое правом) – нормативное основание привлечения к ответственности – применение компетентным органом соответствующих мер ответственности (санкций).

Последний элемент неизбежно указывает на исключительно ретроспективный характер как позитивной так и негативной ответственности и позволяет отказаться от абстрактного признака ее перспективного и постоянного характера. Применение данной модели даст возможность разграничить механизмы реализации правомерного поведения и юридической ответственности, т.к. применение мер последней всегда включает вмешательство компетентного органа.

М. Байтин, критикуя концепцию позитивной юридической ответственности в целом, отмечал, что любое изучение данного института на уровне конкретных вопросов (основания, признаки, виды, последствия и т.д.) приводит исследователей к его ретроспективному пониманию [8, с. 196]. Считаем данный тезис обоснованным при том, что критично оцениваем утверждения автора о нежизнеспособности концепции позитивной юридической ответственности. Следует также согласиться с утверждением А. Безклубого о том, что в контексте теории ответственности корректнее употреблять термины «правовая», «позитивная», «негативная», а не «перспективная» и «ретроспективная», как такие, которые концентрируют внимание исключительно на темпоральном характере явления [9, с. 124].

Несколько иное разграничение между позитивной и перспективной ответственностью проводит Е. Цишковский. Позитивная ответственность выступает у автора формой контроля, в рамках которой субъект вознаграждается за совершенное правомерное деяние, в то время как перспективная ответственность отождествляется с личностной установкой субъекта действовать правомерно в будущем. Такая установка формируется в результате применения к лицу мер позитивной ответственности. Отмечая оригинальность предложенной автором концепции, трудно согласиться с фактическим отождествлением понятий «будущее правомерное поведение» и «ответственность», из-за чего деяние приравнивается к результату [10]. Данная терминологическая проблема является результатом отсутствия в юридической науке дефиниции, которая характеризовала бы установку на правомерное

поведение, как осознанную необходимость действовать правомерно, из-за чего ряд авторов определяют это явление как ответственность за будущее деяние (перспективную ответственность). Признавая исключительно ретроспективный характер любой формы ответственности, считаем необходимым использование для вышеописанного явления качественно новой дефиниции – предпосылка правомерного поведения.

Юридический термин «санкция» (лат. *sanctio* – строжайшее постановление) в течение долгого времени использовался в сугубо негативном смысле для характеристики правовых мер воздействия, в той или иной степени ограничивающих права и свободы субъекта [11, с. 184-185]. О. Лейст, подразделяя санкции на штрафные и правовосстановительные, критически оценивал предложенные в середине XX в. идеи о включении позитивных санкций в общую классификацию санкции, подчеркнув, что наказание и поощрение существенно отличаются по способу воздействия на поведение людей и по роли в осуществлении правового регулирования общественных отношений [12, с. 52-54]. Сам автор проводит классификацию санкций по критерию способа служения охране правопорядка, однако фактически классификация проведена по характеру правовых последствий для сторон охранительного правоотношения.

В противовес такому утверждению А. Малько указывал на то, что этимологическое значение термина «санкция» позволяет использовать его для характеристики не только негативных, но и позитивных последствий. Автор приводит следующие аргументы существования поощрительных санкций: 1) позитивные санкции присущи всем социальным нормам; 2) санкции поощрения признает не только отечественная, но и зарубежная наука; 3) структура юридических норм, содержащих санкции поощрения, напоминает структуру большинства уголовно-правовых норм, содержащих санкции наказания; 4) определенным доказательством существования поощрительных санкций является то, что они во многих нормативных правовых актах расположены рядом с мерами наказания [13, с. 72, с. 75].

Дополняя тезисы, А. Малько, В. Орехов определяют санкцию как элемент правовой нормы, указывающий на возможные последствия (как негативные так и позитивные), в зависимости от отношения субъекта к правилам поведения, определенным диспозицией правовой нормы [14, с. 7].

Необходимость выделения позитивных (поощрительных) санкций в нормативном массиве отмечает А. Краснов, обращая внимание на соотношение позитивной санкции поощрительной диспозиции правовой нормы. Автор понимает санкцию как элемент, призванный обеспечить исполнение вариантов поведения, заложенных в диспозиции нормы, поэтому по его мнению сведение санкции только к мере наказания значительно сужает ее значение в правоотношениях [15, с. 154-156]. Е. Дьяченко, рассматривая позитивную санкцию как базовый элемент поощрительной политики государства, указывает на то, что она выступает гарантирующим фактором заслуженного поведения [16, с. 11].

Следует критично оценить утверждение М. Байтина об исключительно негативном характере санкции, т.к. иная трактовка противоречит самому учению о структуре нормы права. Автор фактически отождествляется диспозиция и санкция поощрительной нормы, в результате чего он приходит к выводу об отсутствии санкции в структуре поощрительных норм.

Безусловно, санкциям негативной и позитивной ответственности присущи различия, которые в первую очередь обусловлены степенью императивности порядка их применения. Так, ст. 30 КЗоТ Украины определена обязанность работника выполнять порученную ему работу лично, без права перепоручать ее выполнение другому лицу. Санкции негативной ответственности за нарушение данной нормы предусмотрены ст. 40-41 КЗоТ и носят обязательный для работника характер правовых последствий. Поощрительная санкция, соответствующая этой же норме, закреплена в ст. 143 КЗоТ, устанавливающей право работодателя применить любые поощрения, которые содержатся в утвержденных трудовыми коллективами правилах внутреннего трудового распорядка и подразумевает право работника отказаться от принятия определенного вида поощрения.

Позитивная санкция может выступать стимулирующим фактором правомерного поведения, как в регулятивных, так и в охранительных правоотношениях. В первом случае нормы позитивной юридической ответственности могут стимулировать субъекта к переходу от одобряемого к поощряемому правом поведению; в охранительных правоотношениях позитивная ответственность выступает как фактор формирования позитивного постправонарушаемого поведения [17, с. 241-242].

Основываясь на вышеизложенном, предлагаем определить *позитивную юридическую ответственность* как закрепленную диспозицией и санкцией поощрительной нормы форму юридической ответственности, которая выражается в применении компетентным органом мер поощрения к субъекту в случае его активного правомерного (правопоощряемого) поведения.

Выводы. Построение общетеоретической модели юридической ответственности приводит нас к пониманию неразрывной связи между ответственностью и санкцией. Санкции позитивной юридической ответственности следует понимать как предусмотренные нормативными актами положительные правовые последствия, которые проявляются в различного рода поощрениях. Выделение поощрительных (позитивных) санкций дает возможность разграничить правомерное поведение, которое является одобряемым правом, и позитивную юридическую ответственность, предполагающую поощрительные меры правового воздействия.

Список использованной литературы:

1. Ефимов М.А. Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / М.А. Ефимов, М.И. Ковалев, В.Г. Смирнов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. – 188 с.
2. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) / Д.А. Липинский // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 9-18.
3. Сунцова Е.А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 /

Елена Анатольевна Сунцова. – М., 2005. – 229 с.

4. Коврига З.Ф. Системно-структурный подход к исследованию позитивной ответственности (на примере уголовного судопроизводства) / З.Ф. Коврига, Н.К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. «Право». – 2010. – № 1. – С. 506-515.

5. Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности / Б.Т. Базылев // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 40-46.

6. Булатов А.С. Юридическая ответственность (общетеоретические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.С. Булатов. – Л., 1985. – 19 с.

7. Машков А. Обґрунтування доцільності двохаспектного погляду на юридичну відповідальність для сучасної правової науки / А. Машков // Про українське право : часопис кафедри теорії та історії держави і права / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Юридичний ф-т. – К., 2010. – С. 72-82.

8. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Сар.: СГАП, 2001. – 416 с.

9. Гришук В.К. Юридична відповідальність / В.К. Гришук. – Л.: ЛьвДУВС, 2012. – 155 с.

10. Цишковский Е.А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства; история правовых учений / Е.А. Цишковский – Нижний Новгород, 2003. – 33 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100093512>.

11. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. – М.: Юрид. лит., 1985. – 191 с.

12. Лейст О.Э. Санкции в советском праве / О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.

13. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве : монография / А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 250 с.

14. Орехов В.Ю. Санкції в праві як елемент правового регулювання та охорони суспільних відносин : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 /

Виктор Юрійович Орехов. – К., 2008. – 20 с.

15. Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Александр Валерьевич Краснов. – Казань, 1999. – 188 с.

16. Дьяченко Е.А. Поощрения как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Е.А. Дьяченко. – Краснодар, 2011. – 31 с.

17. Орловская Н.А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации и функционального анализа : монография / Н.А. Орловская. – О : Юридична література, 2010. – 296 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОМОЩНИКА-КОНСУЛЬТАНТА НАРОДНОГО ДЕПУТАТА УКРАИНЫ

Игорь ГРИЩЕНКО,

помощник-консультант народного депутата Украины,
Аппарат Верховной Рады Украины

Summary

This article analyzes the constitutional and legal status of the assistant-consultant of the MP of Ukraine. It is noted that the MP may have up to thirty-one assistant-consultants working on fixed-term contract on a permanent basis or part-time, and on a voluntary basis. There is the characteristic of this order, the dismissal from the post of assistant-consultant. It is emphasized that personal selection of candidates for the position of assistant-consultant, organization of their work and allocation of the monthly wage fund is carried out personally by the MPs, who are responsible regarding the legality of their decisions.

Key words: constitutional and legal status, assistant consultant, MP, civil service, office of the Verkhovna Rada of Ukraine, Parliament.

Аннотация

Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса помощника-консультанта народного депутата Украины. Отмечено, что парламентарий может иметь до тридцати одного помощника-консультанта, которые работают по срочному трудовому договору на постоянной основе или по совместительству, а также на общественных началах. Дана характеристика порядка приема и увольнения с должности помощников-консультантов. Подчеркнуто, что персональный подбор кандидатур на должность помощника-консультанта, организацию их работы и распределение месячного фонда оплаты труда осуществляет лично народный депутат Украины, который несет ответственность относительно правомерности своих решений.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, помощник-консультант, народный депутат, государственная служба, Аппарат Верховной Рады Украины, парламент.

Постановка проблемы. Представительное правление органом законодательной власти является примером аксиологического измерения содержания Конституции. Статья 75 Основного Закона регулирует основополагающие правоотношения – характеристику законодательной ветви государственного аппарата. Упомянутая норма выражает конституционную ценность, подкрепленную политической практикой. Без парламента нет демократического государства и, соответственно, правового регулирования общественных явлений.

Нормативные положения ст. 75 Конституции одержали продолжение и конкретизацию в других статьях Раздела IV Основного Закона, выступая средством интеграции всех его социальных ценностей в юридические конструкции конституционного текста. Упомянутый раздел регулирует особенности государственного строя – правовой статус не только легислатуры, но и взаимо-

отношения с ней отдельных государственных институций [1, с. 283-284].

В нынешних условиях функционирования Верховной Рады Украины как представительного [2, абз. 4 п. 5 мотивировочной части, абз. 2 п.1 резолютивной части] профессионального органа государственной власти верными являются умозаключения ученых о парламентаризме как о высшей форме представительной демократии [3, с. 28; 4, с. 81; 5, с. 58; 6, с. 11; 7, с. 26]. Сложные и многогранные полномочия легислатуры можно реализовать при условии эффективной помощи вспомогательных институций, одной из которых, согласно текущему законодательству, являются помощники-консультанты парламентариев.

Актуальность темы. Углубленное изучение порядка зачисления на работу, реализации прав и обязанностей, гарантий деятельности представляется необходимым для характеристики правового регулирования и социальной